

Отрицательно сказывается и лексическая повторяемость, тем более таких “сильных” выражений, как, скажем, “скрежет зубов” или “сверкание глазами”. Заметим сразу, что у Достоевского есть повторяющиеся кинеситические характеристики (в том числе и “смертельная бледность”, и “глаза, мечущие молнии”), но никогда это не идёт во вред художественности произведения.

Фиксация всех без исключения жестов того или иного персонажа позволяет определить доминантную линию в его телесном поведении, иногда, быть может, и не предусмотренную писателем. К примеру, на протяжении романа «Преступление и наказание» Достоевский 53 раза, то есть очень часто (средняя частота употребления этого глагола по отношению к другим героям — 8–10 раз) определяет состояние Раскольникова словами “дрожит” или “вздрагнул”. Такая концентрация могла возникнуть и случайно, но, следуя правде характера, писатель не мог обойтись без этого определения. И в результате вопрос: “Тварь ли я дрожащая?” (6; 322)¹ получает ответ уже и на физиологическом уровне.

Статистический подсчёт позволяет определить уникальные жесты и состояния для того или иного персонажа. Например, Лебедев из «Идиота» краснеет в романе всего один раз. Это происходит тогда, когда племянник уличает его в ночных молитвах за графиню Дюбарри. То, что плут-чиновник способен, как Прокопий Праведный за неведомых плавающих, молиться за несчастную казнённую, да ещё способен *краснеть*, заставляет по-иному взглянуть на его глубоко упрямые нравственные основания.

Жестовые характеристики литературных героев позволяют определить взаимодействие “телесности” героев одного романа, отражение её в других романах того же автора или даже в произведениях других авторов. Скажем, самым частотным жестом Стебелькова из «Подростка» является поднятый кверху палец. Известны слова Достоевского: “В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея, и непременно указующий перст, страстно поднятый” (24; 308). У Стебелькова, однако, это жест привлечения внимания, в нём можно усмотреть подчёркивание многозначительности или ложную многозначительность. Кроме того, демонстрация пальца — вариант не совсем приличного жеста “тыканья”, обращённого к другому человеку. Только здесь “тыканье” обращено в пространство, к небесам, если угодно, ко Всевышнему. Подросток сначала запрещает Стебелькову поднимать палец, потом “заражается” и сам начинает жестикулировать подобным образом, и его уже передразнивает сестра.

Попытаемся выявить некоторые кинеситические характеристики, используемые Достоевским в романе «Преступление и наказание». Здесь можно обнаружить несколько ведущих жестовых мотивов, последователь-

но реализуемых в разных персонажах. Один из них — *тема телесной тяжести* и борьба с нею.

С первых же страниц романа бросается в глаза обилие пьяных. Так или иначе, Достоевский обращает внимание на десятерых. Кроме того, отмечаются “пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время”, и ватага пьяных, которые появляются в кабаке во время разговора Раскольникова с Мармеладовым. Этот образ подаётся и в подчёркнуто гиперболизированном виде — одного пьяного “неизвестно почему и куда провозили... в огромной телеге, запряжённой огромной ломовой лошастью” (6; 7). По отдельности жестовое поведение пьяных никак не маркируется, но концентрируется в фигуре толстого и огромного человека, в сибирке и с седой бородой, который вдруг начинал “прищёлкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнюю часть корпуса, не вставая с лавки” (6; 11). Всё это происходит уже “внизу”, в кабаке, на дне городской жизни. Хозяин “дна” — хозяин заведения. Он, как и Раскольников, *спускается* в главную комнату по лестнице из каких-то других помещений. В поле этого пьяного “тяготения” находится и девушка на бульваре: “...дойдя до скамьи, она так и повалилась на неё, в угол” (6; 40), и мужик с хитро смеющейся харей, который после недолгих переговоров с “принцессами” “кувыркнулся вниз” (6; 123), и, наконец, весь народ из первого сна Раскольникова, набившийся в тяжёлую телегу, которую не в силах сдвинуть с места бедная лошадейка.

Борьба с пьяной тяжестью очевидна и в поведении Семёна Захаровича Мармеладова. Он “подпирает руками голову”, “склоняет на стол голову”, встает и “опускается”, “восклоняется опять”. Достоевский не случайно употребил этот глагол. Известно, что писатель чуть ли не наизусть знал Священное Писание, и особенно Евангелие от Иоанна. В нём есть такой эпизод: “Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, *восклонившись*, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в неё камень” (Ин. 8, 6–7). Однако второе и последнее появление Мармеладова в романе, как известно, начинается с *тремякратного* предупреждения, *падения* (по словам кучера — “пьяный свечи не поставит”) — “его раздавленного захватило в колесо и тащило, вертя...” Последние движения Мармеладова: указательный жест на босые ноги Поли, безуспешные попытки просить прощения у Катерины Ивановны, прерванные ею, наконец, усилия “приподняться”, всё же произнесённые слова с просьбой о прощении у Сони, потеря опоры, *падение* “прямо лицом наземь” и смерть в объятиях дочери (6; 136–145).

По Достоевскому, тяжесть бывает не только пьяной. Телесным отягощением страдает, например, доктор